

Несколько позднее Р. Якобсон и Г. Ружишич (Сojko Ružičić) опубликовали статью «The Serbian Zmaj Ognieni Vuk and the Russian Vseslav Epos»,⁷ в которой сопоставили русскую былинную и сербскую народную песню. Статья представляет интерес тем, что в ней на фактическом материале показаны общеславянские фольклорные традиции и связи.

Мнение о том, что в былинном образе Волха отразились некоторые черты биографий древнерусских князей, поддерживается также и некоторыми советскими учеными. Например, Д. С. Лихачев пишет: «Образ Вольги, князя-кудесника, весьма древний... К таким князьям-кудесникам в сравнительно уже позднюю эпоху причислялись двое князей — Олег Вещий в X веке и Всеслав Полоцкий во второй половине XI века. Их обоих, а может быть и еще кого-нибудь третьего, и соединил в своем образе былинный Вольга».⁸

Иную точку зрения на образ Волха-Вольги высказал В. Я. Пропп в работе «Русский героический эпос». В. Я. Пропп пишет: «Рождение Волха... каким оно является в былине, сохраняет древнейшие тотемистические представления восточных славян о животных как о предках человека и о возможности рождения великого охотника и волхва непосредственно от отца-животного». Вслед за тем, подводя итог своему изучению былины о Волхе, исследователь делает следующее заключение: «древнейшая основа песни о походе Волха — песня о набеге первоначально в поисках охотничьих угодий, позднее в целях угона скота. И начальник дружины и сама дружина — охотники, питающиеся и одевающиеся охотой. Набег носит хищнический характер: все население перебивается, скот и имущество распределяется между победителями. Между ними же распределяются женщины, и победители не возвращаются, а остаются жить на занятых местах... Позднее народом была сделана попытка приурочить этот поход к позднейшим историческим интересам народа. Волх был представлен защитником Киева (теперь он мог получить имя Вольги и отчество Всеславевича), его противник приобретает либо сказочно-фантастическую окраску, превратившись в индейского царя, либо мнимоисторическую — царя Золотой Орды или туредкого султана. Однако эта попытка не была доведена до конца, осталась незавершенной, и песня о Волхе-Вольге, была почти забыта и заброшена».⁹

Приведенные выводы исследователя интересны, но, в сущности, ничем не подкреплены. Попытка объяснить рассказ былины о чудесном рождении Волха древнейшими тотемистическими представлениями восточных славян о животных как о предках человека мало чем отличается от подобных же произвольных попыток представителей мифологической школы показать связь каждого былинного сюжета с мифологическими представлениями русского народа. Нельзя согласиться с В. Я. Проппом и в том, что данная былина первоначально была песней о хищническом набеге и лишь потом приурочена народом к его позднейшим историческим интересам. Во-первых откуда взял исследователь первоначальный вид этой песни? Может быть, его никогда и не было? Нельзя же строить исследование на сконструированных самим исследователем фактах! Во-вторых, о каких позднейших исторических интересах народа можно говорить, если исследователь утверждает, что поход Волха был направлен либо против

⁷ Extrait de l'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Historie Orientales et Slaves, tome X (1950), Mélanges Henri Grégoire, II.

⁸ Русское народное поэтическое творчество, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 200—201.

⁹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 72.